

Глава ХLI

Свидание с Мистером Пеккрафтом заставляет Джаспера принять решение, а свидание Джаспера с Мистером Фопперти изменяет оное

В этот самый вечер, в который происходила описанная нами в последней главе сцена в Гостинице «Крозгёр», Джон Джаспер сидел один у себя с тяжелым, мрачным на душе предчувствием, которое ему не удавалось отогнать от себя, как он ни старался.

Его частые поездки в Лондон давно уж прекратились, с тех самых пор как Роза успела ускользнуть из рук его. Визиты седовласого соседа сделались реже, и его племянник давно уехал куда-то – домой, к родным, как говорил Дэтчери. Минор-Канон как будто избегал Регента в последнее время – и несчастный дошел до последнего предела мрачного, безвыходного отчаяния.

Но не раскаянье, не угрызения совести мучают его; нет, подобное чувство незнакомо его закалённой душе: горькое сожаление и дикое бешенство злобы овладевают им всё более и более по мере того, как в нём усиливается убеждение, что все преступления его оказались бесполезными.

Всё чаще прибегает он к курению опиума в последнее время, безусловно отдаваясь в распоряжение полуночных дружелюбных ему демонов усыпляющего дыма. Но он так свыкся с ними, что даже сами демоны в видениях его изменяются и смотрят на него с сатанински-злбными усмешками, приподымая завесу будущего. И таким образом страдания его удесятились, а нервы так раздражены, что поневоле – думает он – возбуждают они в этой расшатанной системе нелепые предчувствия, в которые он не верит еще. Но предчувствие продолжает овладевать им, усиливаясь и укрепляясь, как морской прилив, достигающий до последней черты, пока ему начинает казаться, что он весь охвачен огненным вихрем.

«Великий Боже! Неужели этим мучениям не будет конца? – восклицает он, вскакивая на ноги и пугливо озираясь, как бы боясь увидеть страшный призрак. – Неужели в одной могиле найду я успокоение этому растерзанному телу и душевным мукам? Идиот! – продолжает он, презрительно глядя на собственное изображение в зеркале. – Джон Джаспер, ты, видно, жалкий трус, когда не в силах найти другого убежища кроме могилы! – он останавливается и, схватив себя за голову обеими руками, пристально всматривается в зеркало, как бы стараясь отдать себе отчет в чем-то ужасном; затем, дрожа всем телом, опрокидывается в кресло, закрывая себе лицо руками. – О, эта Тень! – шепчет он. – Она преследует меня и днём и ночью – хоть бы на несколько часов уснуть, но это невозможно!.. Я знаю, он жив – с тех пор как убедился я, что его тело исчезло из гробницы, иначе нельзя было бы понять этого страшного затишья со стороны правосудия. Но кто нашел его, кто спас?.. Дёрдльс, он, он! Иначе и быть не может!.. О! Эта ужасная неизвестность будущего – она хуже смерти!»

Он впадает в глубокую задумчивость и затем снова шепчет:

«Завтра прощай навеки Клоистергэм! Почему не подумал я об этом раньше... Я могу переменить имя и жить еще счастливо, далёко от этих мест и страшных воспоминаний... Но, – продолжает он, хватаясь снова за голову, – что это за странное ощущение овладевает мною по временам?.. Точно растопленным оловом шевелится во мне мозг! Не могу понять... Верно, от бессонницы, – он смотрит на часы и продолжает. – Ровно полночь! Пойду, постараюсь уснуть».

Зажигая свечу, он тушит лампу и отправляется тихими шагами в спальную. Раздевшись, он бросается на постель, всё еще закрывая себе лицо руками, и остается неподвижным. Час проходит за часом, но сон не является; он ворочается с боку на бок и пот катится с него крупными каплями, в то время как он призывает всеми силами души своей рассвет другого дня, потому что тогда он чувствует, что уснёт. И так, с первыми лучами зари несчастный засыпает тяжелым, непробудным сном и забывает на время страданье.

Рождественское утро рассветает над Клоистергэмом, Рождественские праздники явились снова, и в это утро солнце ярко светит над старинными домами, рассыпая тысячи ослепительных блёсток по древним стенам Кафедральной Башни, окутанной в покрытый инеем плющ. Мороз

весело трещит под ногами жителей, и все жилища украшены зелеными ветками с горящими на них, как красные капли крови на солнце, ягодами¹.

Но измученный человек всё продолжает спать, правда, лихорадочным и беспокойным сном теперь, но всё же утешительным для него. Он спит и видит сон. Ему кажется, будто он стоит на бесконечной, освещенной луною поляне. Вдруг перед ним является отвратительная незнакомая ему Тварь, а под одним из крыльев Твари он видит спокойно спящего Эдвина Друда. В то время как он не может оторвать глаз своих от племянника, Тварь отворяет рот и серебристо-нежным, музыкальным голосом, поразительно противоречащим её ужасной наружности, говорит ему:

«Смотри не промахнись – раздави его до смерти. Один он лежит меж тобой и земным счастьем твоим».

И с этими словами Тварь подает ему смертоносную, с свинцовой оконечностью дубину, указывая на Эдвина. Он принимает дубину из рук Твари и одним взмахом убивает спящего. Бросив далёко от себя орудие смерти, он хочет бежать, но ноги его врастают в землю и корни их, вылезая на далекое пространство, высовываются из-под земли, и на каждом из них является хохочущее, насмешливое лицо Дёрдльса и Депутата. Но хохот, еще злобнее и ужаснее, раздается за спиной его, он оборачивается и видит, что Тварь превратилась в Дэтчери, а Эдвин ожил и смотрит на него грустными глазами.

С удушливым криком вскакивает Джаспер на постели, покрытый холодным потом и трясаясь как осиновый лист. Не успел он опомниться еще, как кто-то стучится в дверь его.

Страшный испуг овладевает им в эту минуту; вся уверенность его исчезла и предчувствие, что этот ранний стук предвещает что-то недоброе, отымает у него последнюю бодрость. Поспешно одеваясь, он выходит на ступени, ведущие из его спальни в гостиную, и дрожащим голосом просит пообождать.

Кое-как одевшись, он отворяет дверь и видит перед собою Топа. Пономарь извиняется перед своим постояльцем, что потревожил его так рано, но оправдывается тем, что незнакомый ему джентльмен настаивал на том, чтобы тотчас видеться с Мистером Джаспером.

Незнакомый джентльмен показывается из-за спины Топа и, кивнув головою Регенту, входит без приглашения в комнату, бесцеремонно запирая за собою дверь в лицо любопытного Мистера Топа.

Джаспер старается припомнить лицо его, но не может вспомнить.

«Я не сказал своего имени, – угрюмо начинает Пеккрафт, – любопытствуя узнать, догадаетесь ли вы, кто я, если вы меня не забыли еще. Но я вижу, что вы не узнаете меня, поэтому позвольте напомнить вам Питера Пеккрафта, старинного партнера отца Эдвина Друда – мужа вашей сестры».

Если бы Джон Джаспер мгновенно увидел обрушивающуюся на него старую башню, то он не более бы испугался, как в эту минуту, вспомнив о строгом, суровом старике, который с детства Джаспера умел читать насквозь в душе его.

«Посещение ваше, естественно, удивляет меня, – отвечает слабым голосом растерявшийся Регент, – и я не придумаю – не могу понять – причины оногo...»

«Причина та, что я желал вас видеть наедине», – сухо объявляет Пеккрафт.

«Но как нашли – вы мою квартиру?»

«Спросив об ней вероятно у тех, которым она была известна, – отрезывает антикварий и, не давая Джасперу времени ответить, продолжает. – Выслушайте меня внимательно с этой минуты, сэр, и прошу вас сделать мне честь не прерывать меня на некоторое время. Вы давно знаете меня, и с вашими рано развитыми в вас способностями к лукавству, вероятно, давно могли убедиться в том, что я человек прямой и не позволяющий себе говорить обиняками... Прошу вас еще раз, не прерывайте меня, – продолжает он, заметя движение Джаспера заговорить, – дайте мне, прежде всего, высказать вам то, зачем я явился сюда к вам, а потом можете говорить сколько угодно».

Злобная улыбка раскрывает уста Джаспера, но он не говорит ни слова.

«Я не стану спрашивать вас, – продолжает спокойно Пеккрафт, – где сын умершего человека, который доверил его вам, передавая в ваши руки всякое будущее попечение о нём в продолжение малолетства этого единственного сына. Ваша обязанность была священнее всех

¹ Речь идет о падубе остролистном или остролисте – традиционном рождественском растении в Британии, красные ягоды которого созревают зимой.

других обязанностей – оградить его от всякого зла. Исполнили ли вы её? Про то ваше дело знать; я же не спрашиваю у вас ничего, желая избавить вас от лишнего греха солгать, отвечая мне, что вы не знаете, где Эдвин Друд».

Брови Джаспера хмурятся, и зловещий блеск освещает черные глаза; но он всё молчит,² нервно кусая до крови бледные губы.

«Нет, – продолжает Пеккрафт, – я не спрошу вас о том, что мне самому известно. Не прошло еще и часу, как расстался я с Эдвином Друдом – он послал меня к вам».

Если бы Мистер Питер Пеккрафт мог заранее разгадать, какой эффект³ произведут эти последние слова, то, быть может, он и не выразил бы их так внезапно. Вспрыгнув со стула своего, как если бы пуля прострелила его прямо в сердце, Джаспер зашатался и схватился за спинку кресла, чтобы не упасть; дикими, помешанными глазами смотрит он на старика, силясь произнести что-то. Беззвучно шевелятся посиневшие губы, но ни одного слова не вылетает из них, и он снова падает на свое прежнее место. Наступила реакция; всё тело его дрожит, подёргиваясь конвульсивными движениями, лицо смертельно бледно и со страшным, болезненным стоном он закрывает лицо руками, произнося вслух, как бы забывая о присутствии постороннего свидетеля:

«О Боже, спаси меня! Худшие опасения мои сбылись; я погиб! Погиб! Погиб!»

Хладнокровно и сурово следит за всей этой сценой Питер Пеккрафт и ни один мускул на этом строгом лице не выражает сочувствия.

«Я пришел сюда, – начинает Пеккрафт после минутного молчания, – не для того, чтобы судить вас или укорять за всё зло и горе, причинённое вами в вашей преступной жизни живым и мёртвым, – я предоставляю подобную обязанность вашей собственной совести, если есть она у вас. Нет, мой долг состоит в том, чтобы передать вам слова того, с которым вы так жестоко поступили. Он посылает меня к вам, к тому, кто хотел отнять у него молодую жизнь его, – забывая в христианском милосердии своём все преступления несчастного грешника, – дабы предупредить вас об угрожающей близкой к вам опасности и спасти вас, если еще не поздно!»

Питер Пеккрафт умолкает, а Джаспер приподымает голову, как бы желая что-то спросить, но слова замирают на устах его и он молчит.

«Я желаю, – продолжает старый джентльмен, – окончить с вами как можно скорее все дела мои. Вот бумага в виде *кодициля*⁴ к духовному завещанию покойного Друда, предоставляющая мне право в случае, если вы окажетесь недостойным доверия, возложенного им на вас, потребовать от вас отчета во всех ваших действиях касательно наследства питомца вашего и принять все бумаги, которые будут находиться в вашем владении в то время. Спрашиваю вас теперь, Джон Джаспер, готовы ли вы, удовольствуясь одним судом моим с глазу на глаз с вами, передать мне эти бумаги, или же предпочитаете, чтобы я потребовал их от вас законным судом в силу находящейся у меня в эту минуту прибавки к духовному завещанию?»

Замечательно интересно было наблюдать за Джоном Джаспером с той самой минуты, как он услышал от Пеккрафта готовность Эдвина простить ему попытку [покушения] на жизнь его. Быстро сообразив что-то в уме своём, он мгновенно успокоился, и лицо его приняло обыкновенный ему вид вызывающей дерзости. По-видимому, спокойный и снова уверенный в самом себе, выслушав желание Пеккрафта насчет сдачи опекунских дел, он встаёт со своего места и, открыв стоящее в углу бюро и вынув оттуда большой запечатанный пакет, подает его старику с следующими небрежно произнесенными словами:

«Вы найдёте в этом пакете всё, касающееся до требуемых вами дел, сэр; давно ожидая подобного визита, я тщательно привёл их в порядок и приготовил заранее».

Мистер Пеккрафт, распечатав бесцеремонно пакет, не заботясь о том, понравится ли такое недоверие с его стороны Джасперу, тщательно проверяет бумаги и, сложив их аккуратно, прячет к себе в карман.

Джон Джаспер хмурится, но не делает никакого замечания.

² Далее зачеркнуто: *и*.

³ Далее зачеркнуто: *он*.

⁴ *Кодициль* – письменное дополнение к завещанию; завещательный инструмент, изменяющий или дополняющий существующее завещание.

«Теперь обязанность моя здесь окончена, – говорит Пеккрафт, застёгивая пальто, – передав вам слова племянника вашего, внушенные ему, по-моему, памятью благородной матери его, вашей сестры, мне остается проститься с вами, удивляясь лишь одному, а именно благородству чувств этого молодого человека в отношении к преступному, недостойному дяде. Будь я на его месте, говорю откровенно, не стал бы ни минуты колебаться сослать вас в каторгу на целую вашу жизнь».

Это откровенное заявление задевает Джаспера за живое; выпрямившись во весь рост, он бросает дерзкий, вызывающий взгляд на старика и произносит с саркастической улыбкой:

«Не слишком ли вы спешите, Мистер Пеккрафт? *Мое* преступление еще не доказано».

Не обращая на него вниманья, Пеккрафт продолжает:

«Вы жалки в глазах вашего племянника, потому что довольно уж сильно наказаны и так справедливой судьбою. Но он желает к тому же дать вам время раскаяться на этой земле за все те преступления, которые если и остаются иногда безнаказанными людским судом, но за которые пришлось бы отдать вам горький отчёт Тому, Кто будет судить всех нас за гробом, если бы вы искренно не покаались в них теперь, когда еще есть время».

Та же злобная, насмешливая улыбка порхает на крепко сжатых губах и не сходит с них. Заметя её, Пеккрафт продолжает еще суровее:

«Я пришел с тем, чтобы предостеречь вас в минуту смертельной опасности, чтоб посоветовать немедля спастись бегством; уезжайте и сию же минуту как можно дальше, туда, где вас никто не знает; желаю вам от всей души покаяться и сделаться лучшим человеком. Предупреждаю вас, что если вы не послушаетесь меня теперь же, то будете умерщвлены до вечера».

Подобная угроза оказывается чем-то новым для Джаспера, непредвиденной в его программе опасностью. Недоверчиво взглянув на Пеккрафта, он произносит с презрительным смехом:

«Неужели вы принимаете меня за такого трусливого ребенка, которого можно напугать подобными штуками?»

«Странно мне, – продолжает Пеккрафт так же сурово, но взглянув на Джаспера в свою очередь с презрительным сожалением, – что подобный вам человек, жизнь которого, полагаю, должна быть лучше известна самому ему, нежели всякому другому, так непоколебимо уверен в безнаказанности всех своих проступков. В последний раз говорю вам, выбирайте: или тотчас же ехать отсюда, не оглядываясь, или же оставаться здесь в полной уверенности, что завтрашнее солнце найдёт вас мертвым!»

«Вы говорите загадками, сэр, – произносит Джаспер с небрежной аффектацией в голосе. – Позвольте полюбопытствовать, за какое это ужасное преступление хотят умертвить меня – и кто?»

Нахальность этого вопроса и тон, которым он сделан, выказывая всю зачерствелость сердца преступника, возмущают до глубины души честную, прямую натуру Пеккрафта. Теряя всё хладнокровие, старик вскакивает со своего места и, становясь перед Джаспером, отвечает, глядя ему прямо в лицо, с чувством неподдельного омерзения в голосе:

«Джон Джаспер, я пришел к вам сегодня с тем, чтобы спасти жизнь вашу и постараться, вместе с тем, спасти и душу вашу! Я твёрдо решился, направляясь сюда, сдержать в себе всё презренье, которое подымается во мне при одном взгляде на такого закоснелого преступника, как вы; но вы вызываете меня на откровенность, которая должна быть вам в высшей степени неприятной. Теперь же, с настоящей минуты, нахожу излишней предосторожностью щадить долее чувства ваши. Джон Джаспер, где Эдвин Друд?»

«Станный вопрос, – отвечает Джаспер с насмешливой улыбкой. – Кому лучше это знать, как не вам, которые только что расстались с ним, по-вашему?»

«И кому лучше знать, как не вам, Джон Джаспер, – восклицает старый джентльмен в совершенном бешенстве от такого возмутительного хладнокровия, – что если бы попытка ваша [покушения] на жизнь его удалась бы вам⁵ прошлым Рождеством, то вы сидели бы теперь передо мною – низким убийцей!»

«Лжец! – ревет Джаспер, вскакивая и дрожа от ярости. – А-га! Я вижу теперь насквозь всего, затеянного между вами и моим драгоценным племянником! Всё это одна лишь клевета, низкий, черный против меня заговор потому только, что я открыл любовь свою к Мисс Бёд, думая – на что

⁵ Далее зачеркнуто: *на*.

имел полное право, – что он бросил её и шатается где-нибудь по белому свету. Но вы заплатите мне вместе с ним за это оскорбление, сэр. Вы забываете, кажется, что против меня не существует ни малейшей улики в этом неудавшемся преступлении!»

«Что касается до относящегося ко мне лестного эпитета “лжец”, – отвечает старик, который успел вернуть к себе всё прежнее спокойствие, – то оно несколько не оскорбляет меня, выходя из таких достойных уст, как ваши, сэр, и поэтому я отвечу вам только на последнюю замечательно уверенную фразу. Будьте уверены в том, что легче, чем вы предполагаете, могу я подтвердить всевозможными доказательствами, как и несомненными уликами, то, чем я назвал вас – убийцей!»

«Другая ложь! – восклицает Джаспер. – Еще чернее первой!»

«И если понадобилось бы когда, – продолжает невозмутимо Пеккрафт, – другое и лучшее свидетельство в подтверждение сказанного, то стоило бы только обратиться к двум очевидцам вашего преступления и вы были бы несомненно сосланы в Ботани-Бей⁶ на целую жизнь, и не ваша то вина, конечно, если Эдвин Друд жив и здоров в настоящую минуту. Несмотря на всю развращенность вашей души, он не может забыть, что в ваших жилах течёт⁷ частица крови его родной матери. Но если он великодушно прощает вам ваше преступление, то не так-то легко забыть другим подобные обиды. Берегитесь, Джон Джаспер, брат той несчастной девушки, которую вы так бесчестно обольстили и бросили на произвол судьбы с ребёнком вашим, – брат ее ближе к вам, чем вы подозреваете!»

И старый джентльмен, боясь выдать Дэтчери в своём желании спасти нераскаявшегося грешника, торопливо берет за шляпу и направляется к двери.

«Замечательно плодотворное воображение у вас, сэр! – насмешливо произносит ему вслед Джаспер. – И я преклоняюсь перед ним!»

Взвзвываясь за замок, Пеккрафт еще раз оборачивается и произносит торжественным голосом:

«Невзирая на всю вашу неслыханную дерзость, я не могу оставить вас, не сказав вам еще раз: “Берегитесь!” Вы не можете спасти вашу жизнь иначе, как бежав немедленно из этого города и как можно далее. Несчастный! – добавляет старик внушительным тоном сожаления. – Поспешите, или через час, быть может, через несколько минут, брат обесчещенной вами жертвы, брат Бетси Трендерс, многие уж месяцы неусыпно следящий за вашими шагами, явится перед вами, потребовав от вас страшного отчета; и тогда, да поможет Господь Бог злополучному грешнику!»

Он уходит, оставляя Джона Джаспера с лицом еще бледнее прежнего. Теперь он понял всё; и, тупо устремив взор на запершуюся за Пеккрафтом дверь, повторяет его последние слова:

«Да поможет Господь Бог злополучному грешнику!»

Он медленно подымается со своего места, повторяя как бы во сне эту поразившую его фразу. Взглянув на часы, он находит, что уже время отправляться на утреннюю службу в Собор. Машинально двигается он по комнате и так же машинально готовится уходить. Мысли его как бы мгновенно разлетелись, оставив одну пустоту вместо мозга... Привычка заставляет собирать нужные ноты для Рождественской обедни, и он собирает их. Вдруг снова раздается в двери стук. Джаспер вздрагивает и в одну секунду к нему возвращается всё сознание опасности. Как дрожит и бледнеет теперь этот низкий трус! Куда девались вся уверенность и хитрость его? Он останавливается на пороге спальни, колеблясь, отворить ли ему дверь или бежать... Что если это брат её?... Но он слышит затем голос Топа, который зовет его из-за двери, и спешит отворить ему, прося войдти. Но Топ, не подымая глаз на него, вручает ему письмо и, молча раскланявшись, поспешно уходит. Дойдя до поворота лестницы, Пономарь любопытно оглядывается. Джаспер всё еще стоит на пороге отпертой двери, стараясь узнать почерк по подписи письма, а Мистер Топ, моргая издали на Музыкального Учителя, идет далее и, грустно кивая самому себе головой, держит также самому себе следующую речь:

«Что всё это значит, я уж и не пытаюсь более понять. Мне отдано приказанье не впускать его более в Собор, поэтому надеюсь, что он не станет стараться удостовериться, исполняю ли я приказания старших. Тяжёлая, очень тяжёлая обязанность Пономаря, тем более в отношении таких друзей, как Мистер Джаспер! Только что всё это может значить?»

⁶ Ботани-Бей (англ. Botany Bay) – ссылка, каторга, каторжные работы; выражение происходит от названия австралийской бухты в Новом Южном Уэльсе, служившей местом ссылки.

⁷ Далее зачеркнуто: *та*.

Между тем, Джаспер, вернувшись к себе и заперев дверь на ключ, решает распечатать записку и читает:

«Мистеру Д.Джасперу, Регенту.

Сэр,

Обязанность моя заставляет меня, следуя в этом совету Декана, предупредить Вас, что вы должны сегодня же отказаться от вашего места Регента Хора в Клоистергэмском Соборе и, получив всё следующее Вам жалованье, искать чего-нибудь другого, и советую Вам – в другом городе. Покорнейше прошу прислать Пономаря Топа за следуемой Вам суммой. Я положительно должен отказаться от всякого личного свидания.

Септимус Криспаркль,

Минор-Канон Клоист[ергэмского] Собора».

Неужели дошло до этого? Сам Минор-Канон пишет ему такую записку? Точно, это его собственный почерк, печать и подпись! Как громом пораженный, Джаспер сидит неподвижно, не имея силы даже думать. Но вот ему слышатся снова шаги в отдалении, и он с испугом вскакивает, прислушиваясь к ним с замирающим от ужаса сердцем... Решено! Он должен немедленно бежать!

Поспешно написав несколько распоряжений для Мистрисс Топ на лоскутке бумаги, он быстро собирает несколько необходимых ему вещей и, уложив всё в беспорядке в небольшой сак-вояж, кладет записку к хозяйке на видном месте и сходит из спальни вниз, в гостиную. Проходя мимо портрета Розы, он бросает на неё невыразимый взгляд любви, и ненависти, и отчаяния – всё вместе, и выходит из жилища, в котором оставляет столько неизгладимых следов преступных надежд и горького страдания, но ни малейшего следа очистительного раскаяния или угрызений совести.

Он сходит в переулок задним крыльцом, направляясь осторожными, неслышными шагами, чтобы не возбудить подозрения в соседях по квартире. Дойдя до Калитки, он свертывает к реке, желая добраться до железной дороги пешком, боясь погони, если узнают, что он уехал в дилижансе.

Он осматривается ежеминутно по сторонам, со страхом озираясь и дрожа встретить брата той, которую ненавидит теперь всеми силами души своей, проклиная даже память [об] умершей.

На пути своём он встречается со многими из жителей, которые весело разгуливают, пользуясь праздничным весёлым днём, и ему кажется, будто все они отворачиваются от него и избегают, как бы боясь, чтобы он не прикоснулся к ним нечаянно. Он приписывает это воображению и раза два поворачивается, чтобы посмотреть им вслед, находя всякий раз, что и они остановились также и с странным на лицах выражением глядят ему также вслед. По дороге он встречает группу, внимательно слушающую рассказ стоящего между ними Дёрдльса. Джаспер кивает ему дружески головою, стараясь казаться развязным, но Каменщик, взглянув ему прямо в лицо, молча повёртывается к нему спиной, а прочие отшатываются боязливо в сторону.

«Так вот оно что! – глухо и злобно ворчит Джаспер. – Он явился – и теперь уж нечего скрываться... Странно, как неотвязно звучит у меня в ушах эта фраза: “Да поможет Господь Бог злополучному грешнику!” Фу! Как это глупо!.. Я, должно быть, ослаб от всех этих волнений... Довольно, передо мною еще целый свет впереди!»

Дойдя до реки, тихо катящей свои холодные тёмные волны, он останавливается. Им овладевает непонятное желание взглянуть еще раз на Старый Собор и на этот тихий древний городок, которых он более уж никогда не увидит. Он кладёт сак-вояж на мёрзлый дёрн и, сложив накрест руки, неподвижно стоит на одном месте, вперив глаза на расстилающуюся перед ним картину...

Тяжелая рука опускается к нему на плечо; так внезапно в нём чувство испуга, что, не смея повернуть головы, он испускает невольный крик ужаса и удивленья. Но тут же мгновенно оправившись, он оборачивается и смеется над своим ребяческим страхом, узнав Фопперти.

«Как вы испугали меня, Фопперти! Я не слышал ваших шагов, задумавшись. Я уезжаю на несколько дней и остановился полюбоваться рекой...»

Но Фопперти не отвечает ему. Лицо его угрюмо и бледно, а черные ввалившиеся глаза недружелюбно смотрят на Джаспера.

«Что с вами? – продолжает Джаспер. – Вы как будто нездоровы. Как поживает Бетси?»

«Вы не должны уезжать еще пока из Клоистергэма, – отвечает ему Фопперти решительно. – Я искал вас, Мистер Джаспер, всюду. Вы пойдёте со мной к кой-кому, кто желает поглядеть на вас».

Произнеся эти слова, гигант кладёт ему на плечо свою мохнатую лапу, а другой берет под руку как бы в подкрепление аргумента.

«Но к кому – ведёте вы меня?» – бормочет Джаспер, страшно бледнея.

«К Бетси. Она больна – и умирает; она желает видеть вас, поэтому, чего *дитё* желает, того и я желаю. Вы пойдете!»

«Но – какую же пользу принесу я ей?.. Ведь за ней ухаживает – ваша мать!.. Мне некогда, я спешу... Я вернусь завтра вечером и увижу её».

И Джаспер под влиянием непонятного предчувствия дрожит с головы до ног и старается вырвать руку.

Но ему не так-то легко сладить с Фопперти.

С ужасным проклятием, не выпуская Джаспера из рук, Фопперти объявляет ему, что он (Джаспер) сию же благословенную минуточку пойдёт с ним к ребёнку или что он (Фопперти) в следующую же благословенную минуточку так исковеркает его (Джона Джаспера), что сама его родная мать не узнает, коли эта почтенная лэди еще жива.

Не желая навлекать на себя опасности подобной неприятной операции, пойманный в ловушку, Музыкальный Учитель принимает отчаянное решение и соглашается идти. Таким образом возвращаются они по городу, Фопперти важно ведя Джаспера за руку, как деревенский полисмен пойманного вора. Много окон отворяется вслед за ними и много удивленных голов висо[вы]ваются, чтобы посмотреть на них, не понимая, что значит это необычайное шествие. Подходя к калитке дома Бробите, Джаспер с холодеющей в жилах кровью замечает стоящего через дорогу с сложенными на груди руками седовласого Дэтчери. Возле него стоит Джо Слджерс, повернувшись к Регенту спиною, и с жаром говорит что-то тихо холостяку. Быстрее молнии мелькают в уме Джаспера всё случившееся в последние месяцы и отношения его к незнакомому, так неожиданно явившемуся между ними переселенцу... и тайный голос нашептывает ему, что перед ним стоит брат умершей!.. Поравнявшись с холостяком, глаза последнего устремляются молча на Регента⁸, притягивая к себе взоры Джаспера какой-то магнетической силой, и в этом неподвижном взгляде он прочитывает свой смертный приговор!

⁸ Далее зачеркнуто: *и*.